

Эта скромная книга, написанная в былые годы, посвящается моим учителям академику Владимиру Федоровичу Шишмареву и Дмитрию Евгеньевичу Михальчи — моим научным руководителям, Ольге Константиновне Васильевой-Шведе и Георгию Владимировичу Степанову, создавшим и возглавившим замечательную школу петербургских испанистов, а также прекрасному человеку и ученому — Елене Иосифовне Родригес-Данилевской, обучавшей меня испанскому языку, его истории и раскрывшей мне его индивидуальность на общем романском фоне

ОГЛАВЛЕНИЕ

Вводные замечания.....	9
<i>Глава I.</i>	
Синхронное изучение словообразования и морфологии основ слова	13
1. Морфологическая и словообразовательная структура слова	13
2. Проблема нормы	22
3. Об основе слова.....	28
4. Остаточная выделяемость компонентов слов	30
5. Проблема продуктивности словообразовательных моделей.....	35
6. Лингвистический аспект продуктивности словообразовательных моделей	43
<i>Глава II.</i>	
О синтаксической сочетаемости слов в испанском языке.....	53
<i>Глава III.</i>	
О функциях суффиксов	66
<i>Глава IV.</i>	
Интерфиксы.....	90
<i>Глава V.</i>	
Обратное словообразование и вопросы несобственной деривации	100
<i>Глава VI.</i>	
Смешанные типы словообразования.....	128
<i>Глава VII.</i>	
Сочетания типа <i>el pájaro mosca</i> в современном испанском языке	136
<i>Глава VIII.</i>	
Синтаксическая эмфаза в испанском языке в сравнении с другими романскими языками.....	145
1. Вводные замечания	145
2. Эмфаза членов словосочетания	146
2.1. Эмфаза определений существительных со значением лица.....	146
2.2. Эмфаза определений существительных со значением не-лица.....	150

3. Эмфаза членов придаточных предложений	152
3.1. Эмфаза элементов непредметного значения	152
3.2. Эмфаза элементов предметного значения	157
4. Эмфаза членов простого предложения.....	157
4.1. Эмфаза подлежащего	157
4.2. Эмфаза дополнений (предложных и беспредложных)	159
4.3. Эмфаза обстоятельств	160
5. Эмфаза предложений	162
6. Эмфаза придаточных предложений причины и цели.....	163
7. Эмфатические конструкции в романских языках: составительный анализ	164
8. Заключение	166

Глава IX.

Проблема классификации сложных слов	168
1. Вступительные замечания	168
2. Деление сложных слов по способу образования.....	169
3. Деление сложных слов по соотношению их компонентов.....	173
4. Деление сложных слов по типу предметной отнесенности.....	176
5. Морфологический принцип классификации	178
6. Семантическая классификация	180
7. Классификация по степени слитности компонентов	181
8. Итог: будем последовательны	182

Глава X.

Сложные существительные синтаксического способа образования (сращения)	186
1. Общая характеристика.....	186
2. Сращение предложений.....	191
3. Сращение определительных словосочетаний	198

Глава XI.

Сложные существительные синтаксико-морфологического способа образования.....	205
1. Сложные существительные типа <i>el guardabosque</i>	205
а) Происхождение и структура.....	205
б) Принципы функционирования и семантические классы.....	224
в) Сложные существительные со значением лица (<i>nomina agentis</i>).....	228
01. Названия профессий.....	228
02. Образная характеристика лица	230
г) Названия предметов.....	240
01. Имена существительные с инструментальным значением (<i>nomina instrumenti</i>).....	240
02. Образная характеристика предметов.....	243
03. Названия растений и животных	246
04. Внутренняя форма слова	248
2. Сложные существительные типа <i>el duermevela</i>	254

3. Сложные существительные типа <i>la compraventa</i> (копулятивный тип).....	255
4. Сложные существительные типа <i>la bocacalle</i>	258
<i>Глава XII.</i>	
Из наблюдений над испанским модальным диалогом.....	263
Библиография	273
Словари и справочники	273
Литература.....	273
Источники примеров	283

ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

К концу XX в. лингвистика достигла зрелости. Она освоила, казалось бы, все возможные подходы к своему предмету — исторический и сравнительно-исторический, синхронный и сугубо формальный, семантический и семиологический, функциональный и типологический, ареальный и контрастивный, психологический и когнитивный, социальный и культурологический, структурный и прагматический, информационный и логический, статистический и компьютерный. Эти подходы и методы постоянно взаимодействуют между собой, переплетаются и смешиваются, они спорят и ссорятся, доказывают свои преимущества и права, стремятся завоевать главенствующие позиции. Лингвистическая терминология множится, термины становятся многозначными, утверждения заменяются формулами или математическими расчетами. В итоге языковеды перестают понимать друг друга.

Обилие лингвистических концепций и методов анализа определяется сложностью, многогранностью и полифункциональностью языка. Вследствие этого лингвистика постоянно входит в контакты с другими науками. Новые взгляды на язык часто проникают в лингвистику извне: из сферы точных наук и компьютерных технологий — с одной стороны, и из наук о человеке и его мире — с другой. В первом случае речь идет о заимствовании методов, во втором — скорее о заимствовании идей. Влияние точных наук и компьютерной техники ввело в лингвистический анализ математические, логические и другие виды формальных методик. В то же время оно имело своим следствием изоляцию лингвистики, ее выпадение из гуманитарного цикла. Оно отодвигало в тень национальную специфику языков. Влияние философии, психологии, этнографии, филологии и культурологии возвращало лингвистику в гуманитарный контекст. Более того, лингвистический анализ вошел в психологию и философию. В их рамках язык служил источником познания чело-

века, системы его «верований» (по Х. Ортега-и-Гассету) или «предрассудков» (по Х.-Г. Гадамеру), проникновения в национальный дух народа. Была по-новому осознана и осмыслена эпистемическая метафункция языка. В истории науки эпистемический подход к языку предшествовал формально-лингвистическому. То, что говорит язык, казалось интереснее того, что говорит на языке человек. О каком же мире говорит язык?

Мир для современного человека двойственен. Он распадается на Универсум, или чуждый мир (ср. «оно» М. Бубера, «Autre» французских экзистенциалистов) и мир человеческого существования, «наличного бытия» (ср. «Dasein» М. Хайдеггера). Первый бесконечен, безграничен, но в принципе исчислим. Второй ограничен, конечен, но неисчислим. Природа и Человек принимают в этих мирах разные облики. Для Универсума характерны причинные отношения, для мира человека — телеологические. Универсум — царство закона, мир человека — случая. Законы для всех едины, представления о движущихся силах жизни национально специфичны. Естественный язык отражает мир человека. В нем соединено универсальное и национально специфическое. И то, и другое представлено в семантике слова и законах построения речи. Поэтому слово, его семантика, структура и способы создания новых слов включают в себе немалый интерес как для лингвиста, так и для антрополога, как для общего языковеда, так и для специалиста по культуре того или иного народа — формам его жизни, менталитету, литературе, способам речевого взаимодействия.

В предлагаемой вниманию читателя работе проанализирован лишь небольшой фрагмент испанского словообразования. При этом основное внимание уделено наиболее национально маркированным и продуктивным моделям. Исследование выполнено на материале испанской классической и современной литературы, а также по данным словарей, начиная с шеститомного «Словаря Авторитетов», изданного испанской Академией в начале XVIII в. (*Real Academia Española. Diccionario de la lengua castellana. Madrid, 1725—1739*). В книгу включены также небольшие очерки, посвященные сочетаемости и функционированию слов в речи, в частности в диалоге. Несмотря на обилие методов анализа, применяемых в современной лингвистике, о которых упоминалось выше, в работе использованы в основном традиционные методы в сочетании со структурным анализом классического типа (дистрибутивный метод, выделение минимальных значимых единиц, определение дифференциальных признаков и значимых оппозиций, позиционный синтаксис и др.). Однако в центре внимания автора всегда стояла задача выяснения регулярных отношений между единицами языка и построения фраг-

ментов словообразовательной и грамматической системы. Добавим к сказанному, что в работе широко используется классическая литература по общему и романо-германскому языкознанию, к которой в настоящее время, благодаря обилию новых идей и методов, обращаются все реже.

Глава I

СИНХРОННОЕ ИЗУЧЕНИЕ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ И МОРФОЛОГИИ ОСНОВ СЛОВА *

1. Морфологическая и словообразовательная структура слова

Теория синхронного изучения словообразования разработана в лингвистической литературе недостаточно. Дескриптивисты, рассматривающие принципы и методику составления описательных грамматик, большое внимание уделяют морфологии, в рамках которой находит свое место и анализ аффиксальных элементов. Изучение словообразовательных морфем оказывается при этом подчиненным общей цели дескриптивного анализа, а именно выделению значимых элементов речи, определению их дистрибуции, установлению тождества морфем и, наконец, их классификации¹.

Аффиксы рассматриваются лишь при описании строения слова, его морфемного состава². Словообразующие элементы, как и другие морфемы, исследуются дескриптивистами по преимуществу с точки зрения их окружения (environment), а также воздействия на сочетаемость соседних морфем, в том числе производящей основы³. Стремление дать исчерпывающее описание морфемного состава языка не позволяет отделить факты системы от диахронических «пережитков». Действующие словообразовательные типы растворяются в свод морфем, встречающихся в корпусе языка. Не способствует построению системы и метод деления слов на непосредственно

* Впервые опубликовано в кн.: *Н. Д. Арутюнова. Очерки по словообразованию в современном испанском языке* / Отв. ред. Р. А. Будагов. М.: Изд-во АН СССР, 1961. С. 22—68.

¹ См. [Harris 1951: 20].

² Примером может послужить описание английского суффикса -ous в кн.: [Bloch, Trager 1942: 64 ff.]. Ср. описание суффиксов -ic, -ics в ст. [Newman 1948: 35 ff.]. См. также [Nida 1948a: 175].

³ [Harris 1946: 169].

составляющие (*immediate constituents*). Согласно указанному приему каждый самостоятельный отрезок речи (*utterance*) состоит из двух частей. Бинарными по своей структуре являются и сочетания, полученные в результате последовательного членения высказывания. Разложение заканчивается, когда выявленные единицы оказываются монолитными. Ср. *John ran away: John | ran away; ran | away; a | way*. При помощи этого приема, весьма полезного в других отношениях, не может быть проведена грань между типами, активно функционирующими в словообразовании, и моделями, выпавшими из строя языка, но представленными рядами ранее созданных слов.

Метод непосредственно составляющих не всегда способствует также определению структуры слов. Естественно, что деление свободных синтаксических сочетаний выявляет действующие в языке нормы соединения слов и обычно соответствует современным системным отношениям. Иначе обстоит дело, когда анализ переходит в сферу разложения слова (*deskриптивисты* не делают разницы между дроблением слова и предложением). Членение слова на морфемы не обязательно совпадает с существующими нормами словообразования. На этой стадии анализа синхрония перекрещивается с диахронией, словообразование — с морфологическим составом слов. Принцип непосредственно составляющих в той части, в какой он вводится в анализ слова, направлен, по мысли *deskриптивистов*, на выяснение того, как делаются слова, а не того, из чего они сделаны. Этот принцип положен также в основу классификации слов, предложенной *deskриптивистами*. Л. Блумфилд, например, специально оговаривает, что принцип непосредственно составляющих позволяет провести границу между сложными словами и словами, образованными на базе словосочетаний (*phrase-derivatives*), такими как *old-maidish*, а также производными от сложных слов (*de-compounds*), такими как *gentlemanly*⁴. Эта классификация опирается, следовательно, на нормы словообразования. При членении многоморфемного слова *deskриптивисты* рекомендуют исходить из последовательности использованных приемов словообразования. Все сложные формы распадаются на морфемы. Это — конечные составляющие (*ultimate constituents*). При лингвистическом же анализе необходимо выделять непосредственно составляющие, и только таким путем можно прийти к получению простейших элементов слова⁵, пишет Л. Блумфилд. «Наш *deskриптивный* метод состоит в анализе слов на основе образующих их конструкций. Описывая порядок “наслоения” (*layers*) непосредственно составляющих, следует принимать во

⁴ [Bloomfield 1933: 209—210, 227]. См. также [Bloch, Trager 1942: 67—68].

⁵ [Bloomfield 1933: 161].

внимание основные модели (patterns) языка»⁶, — замечает Ю. Найда, иллюстрируя это положение следующим примером. Казалось бы, безразлично, как разбить наречие *untruly*: *un + truly* или *untrue + ly*. Однако необходимо вспомнить, что *un-* регулярно сочетается с прилагательными и, напротив, редко непосредственно соединяется с наречиями. Следовательно, правильным будет такой порядок деления: 1) *untrue + ly*, 2) *un + true*. Итак, дескриптивисты исходят из действующих в языке типов словообразования. Однако этот принцип не может быть осуществлен ими последовательно, так как пределом дробления материала является морфема, то есть простейшая значимая единица. Последняя же не всегда может быть получена при проведении в жизнь принципа непосредственно составляющих. Как известно, далеко не все морфемы, встречающиеся в языке в контактном положении, могут вступать между собой в непосредственное соединение. Два элемента семантического целого, будучи *ultimate constituents*, могут не быть в то же время *immediate constituents*. Так, разложение испанских глаголов *independerse*, *indisponer*, *incumplir* привело бы к мысли, что префикс *-in-* непосредственно участвует в образовании глаголов. В действительности указанные глаголы возникли путем регрессивного словообразования от прилагательных или причастий *independiente*, *indispuerto*, *incumplido*. Деление на морфемы таких слов, как *desorden*, *desafición*, *desamor*, *desuso*, *destrizo*, могло бы установить модель «*des-* + существительное», которая практически в испанском языке не функционирует. Слова этого типа большей частью возникают путем обратной деривации от приставочных глаголов *desordenar*, *desaficionar*, *desamar*, *desusar*, *destrizar*⁷. Здесь наблюдается любопытная особенность испанской отрицательной префиксации, заключающаяся в том, что префиксальное производное не является исходным пунктом образования нового ряда слов, а префикс как бы распространяется на все лексическое гнездо, созданное от бесприставочного слова. Ср. *honra*, *honrar*, *honor*, *honorar*, *honoroso*, *honorable*, *honradez*, *honroso*, *honrado*, *honrador* и *deshonra*, *deshonrar*, *deshonor*, *deshonrar*, *deshonroso*, *deshonroso*, *deshonrado*, *deshonrador*, *deshonradez*, *deshonorable*; *capaz*, *capacidad*, *capacitar* и *incapaz*, *incapacidad*, *incapacitar*. При этом префиксация нередко развивается в направлении, диаметрально противоположном суффиксации или несобственной деривации. Ср. *orden* > *ordenar*, но *desordenar* > *desorden*; *afición* > *aficionar*, но *desaficionar* > *desafición*. Деление приставочных производных на

⁶ [Nida 1946: 81—82]; ср. [Nida 1948a: 170—171]. См. также [Bloch, Trager 1942: 67].

⁷ Об обратной деривации см. в главе V.

морфемы не вскрывает в данном случае реально существующие в языке структуры, возникающие в результате своего рода «гнездовой» деривации.

Следовательно, положенные в основу дескриптивного анализа принципы простейших составляющих и непосредственно составляющих несовместимы при анализе основ слова. Первый из них лежит в плане изучения морфемного состава слов, второй направлен на выявление существующих в языке словообразовательных конструкций.

Более прямолинейно смешивается понятие структуры слова и словообразования в работе С. Мёрфи об именных суффиксах в разговорном испанском языке Мексики⁸. С. Мёрфи предупреждает, что его исследование является «первым опытом в сравнительно неразработанной области дескриптивного словообразования»⁹. Однако в нем нет анализа действующих словообразовательных моделей, их значения и функционирования. Все слова выстроены в пары, состоящие из так называемого «соотносимого слова» (related word) и суффиксального производного. Вот несколько примеров: *libertar* — *libertad*, *temporada* — *temporal*, *cor* — *corazón*, *capar* — *capasón*, *inquisición* — *inquisidor*, *vista* — *visión*, *bendito* — *bendición*. Автор стремится найти слово, максимально совпадающее с производным по своей звуковой форме; Поэтому, например, *libertar* ‘освобождать’ ставится рядом с *libertad* ‘свобода’ (с. 10). Между тем последнее по своей словообразовательной и смысловой структуре является именем качества и связывается языковым сознанием с прилагательным *libre* ‘свободный’. Эта пара стоит в одном ряду с такой серией, как *bueno* — *bondad*, *feliz* — *felicidad*, *humano* — *humanidad*, *bárbaro* — *barbaridad* и пр.

Занимаясь синхронным описанием словообразования, С. Мёрфи приводит наряду с продуктивными парами и такие, которые не имеют отношения к системе современного языка. Так он выделяет суффиксы имен *-t* | *-s*, обнаруженные им в таких существительных, как *muerte*, *vista*, *vuelta*, *puesta*, *producto*, *risa*, *aplauzo*, *compromiso*, *presa* и др. (с. 26—27). Очевидно, что элементы, попавшие в испанский язык в составе латинского причастия и супина, не функционируют в нем самостоятельно.

Итак, исследование, задуманное как анализ современного словообразования, обернулось исчерпывающим описанием морфологической структуры суффиксальных имен.

Спорной стороной работы С. Мёрфи является также предложенное им решение вопроса тождества суффиксов. Автор объединяет элемен-

⁸ [Murphy 1950]; см. [Murphy 1954].

⁹ [Murphy 1954: 3]. (Далее в тексте указываются страницы этой работы); см. рец. на статьи Марчанда [Арутюнова 1959].

ты исключительно по признаку их фонетического сходства. При этом С. Мёрфи учитывает лишь совпадение согласных. Варианты гласного не меняют, по его мнению, структуры испанского суффикса (см. с. 5). Это позволяет С. Мёрфи выделить, например, суффикс Vr (т. е. любая гласная + r) и приписать ему значения лица (*inventor*), абстрактного имени (*amor, dolor*), инструмента (*elevador*), собирательности (*costillar*) и места (*palomar*) (с. 16). Суффикс Vn (т. е. гласная + n) оказывается еще более семантически ёмким и фонетически разнообразным. Он может указывать на лицо (*sacristán, bailarín*), уменьшительность (*pequeñín*), увеличительность (*azadón*), выражать действие или результат действия (*borrón, tirón*), обозначать человека (*mandón, pelón*) и животное (*cabrón, capón*) (см. с. 14).

Намеченная Мёрфи трактовка языкового тождества заметно отличается от взглядов дескриптивистов¹⁰. Последние заменили фонетический принцип отождествления функциональным. Идентичными признаются все морфемы, обладающие единой функцией и находящиеся между собой в дополнительной дистрибуции, при условии если сумма их окружений не превышает суммы окружений одной морфемы, выполняющей аналогичную роль. Иными словами, сумма окружений показателей множественного числа в английском языке -en и -s не должна быть больше, чем окружение нулевой морфемы, выражающей единственное число. Правда, у некоторых структуралистов можно встретить еще более свободное отношение к проблеме идентификации аффиксов. Так, К. Тогебу рассматривает все суффиксы, присоединяющиеся во французском языке к топонимам (-ais, -an, -at, -eac, -eron, -esque, -estre, -ien, -in, -ique, -ite, -ois), как варианты одной морфемы, функция которой состоит в создании прилагательных от этнических названий¹¹.

В теоретических работах американских структуралистов можно встретить попытки отделить статическое описание структуры высказывания от построения системы, управляющей современным языком.

Так, Ф. Хаусхолдер считает целесообразным разделить морфологию, или морфемiku на два самостоятельных раздела: 1) собственно морфологию, в которой должны описываться только продуктивные образования и их альтернанты (как активные, так и неактивные); 2) дескриптивную этимологию, трактующую непродуктивные, окаменелые структуры¹².

Д. Болинджер предлагает отличать морфемы, являющиеся единицами синхронного анализа (он называет их *формативами*), от

¹⁰ См., например, [Harris 1942; Voegelin 1947; Hockett 1947; Nida 1948b; Глисон 1959: 107—122 (гл. 6 «Установление тождества морфем»)].

¹¹ [Togebuy 1951: 236].

¹² [Householder 1952: 266].

элементов, относящихся к диахронной морфологии (они обозначаются термином *компоненты*). Формативы, по мысли Д. Болинджера, вступают в активную связь (*bondage*) с другими элементами речи, а компоненты могут образовывать с ними только инертное сцепление¹³.

Своего рода реакцией на узкодескриптивный подход к фактам словообразования являются статьи Х. Марчанда¹⁴.

Весьма существенным в работах Х. Марчанда является положение о различии между синхронным изучением морфологического состава слова и словообразованием. Deskриптивный анализ слов состоит в собирании пар, дающих потенциальные типы словообразования. Но он не может привести к построению системы деривации, т. е. выделению грамматически релевантных типов, считает Х. Марчанд¹⁵. При изучении словообразования анализ морфологии основы имеет ценность лишь в той степени, в какой он обнаруживает существенные черты модели, т. е. свойства, характеризующие *la langue*¹⁶. Следовательно, одной из главных задач при исследовании современного словообразования является выделение системных признаков модели и вариантов модели. Х. Марчанд полагает, что таким признаком является прежде всего наличие определенного звукового соотношения, соответствующего фонетическим закономерностям современного языка. Ср. во французском языке чередование *oeuvre* : *ouvrage*, ставшее стерильным, так как оно возникло в результате действия давно замершего звукового закона¹⁷. Однако наличие фонетического соотношения само по себе еще не свидетельствует о релевантности модели. Звуковая корреляция должна быть поддержана смысловым различием. В свою очередь одного лишь семантического соотношения не достаточно для установления словообразовательной связи. Поэтому метод Ш. Балли, включавшего в деривативную транспозицию такие пары, как *cheval* : *équestre*, неприменим при выделении релевантных пар.

Регулярные фонетические чередования, соответствующие закономерным семантическим изменениям, относятся к морфонологии, в рамках которой одно из важных мест должно быть отведено словообразованию¹⁸.

Итак, критерием релевантности в области словообразования является наличие морфонологического изменения.

¹³ [Bolinger 1948].

¹⁴ [Marchand 1951a,b; 1953; 1954a,b; 1955a,b; 1956; 1957a,b].

¹⁵ [Marchand 1953: 106].

¹⁶ [Marchand 1955b: 17].

¹⁷ [Marchand 1951a: 97].

¹⁸ [Marchand 1951b: 89, 95].

Но даже если мы инвентаризируем все деривативные чередования, рассуждает далее Х. Марчанд, они не образуют целостного организма, оставаясь лишь простой суммой разрозненных элементов. Дело в том, что в современных развитых языках действующее словообразование складывается обычно из двух разных систем, между которыми распределяются все продуктивные модели. Одна из этих систем соответствует ингерентной структуре данного языка, другая функционирует на уже отчужденной, обычно неолатинской, основе. Чередования в пределах первой системы обязаны действию современных фонетических закономерностей. Корреляции, входящие во вторую систему, возникли в результате адаптации латинизмов к звуковому составу того или другого языка (ср. англ. *candidate* : *candidacy*, фр. *agressif*: *agression*)¹⁹. При изучении современного словообразования не следует устанавливать зависимость между словами, созданными на разных базах деривации. Так, нельзя сопоставлять латинские заимствования с собственно французскими словами. Ср. *refaire* : *refection*, *restreindre* : *restriction*. Подобные соотношения не систематичны. Однако бывают случаи, когда связь между исконными словами (*palabras patrimoniales*) и латинскими заимствованиями становится регулярной. Ср. *père* : *paternel*, *mère* : *maternel*, *frère* : *fraternel*²⁰. Иногда слово, созданное на латинской структурной основе, может при синхронном изучении языка рассматриваться как французское производное. Например, фр. *opération* исторически является латинизмом, но синхронно оно противопоставляется глаголу *opérer*²¹.

Таковы в общих чертах взгляды Х. Марчанда по вопросам синхронного словообразования. Они интересны тем, что Х. Марчанд правильно нащупывает основные проблемы, возникающие в связи с изучаемой темой. К числу этих проблем относятся следующие: идентификация единиц языка, понятие синхронной системы словообразования и ее элементов, релевантные черты модели, отношение словообразования к морфологии основ слова.

Другую попытку разграничения языковой данности и языковой системы находим в книге Косериу «Система, норма и речь»²². Хотя Э. Косериу ставит проблему синхронии в широком плане применительно ко всем аспектам языка, остановимся на его работе особо, так как в ней рассматриваются и вопросы словообразования.

¹⁹ Регулярное отношение, возникшее в языке между сепаратно заимствованными словами, Х. Марчанд называет коррелятивной деривацией (ср. английские производные на *-ist*, *-y*, *-ism*, *-istic*). См. [Marchand 1954a: 254, 258].

²⁰ [Marchand 1951a: 96—98].

²¹ [Marchand 1951b: 94].

²² [Coseriu 1952]; см. также [Косериу 1963].